

Умное подешевело ВЫСТАВКИ-2009 итоги подводит Анна Толстова

Жан-Юбер Мартен

«Дягилев. Начало», Русский музей

КРИЗИС оправдал все ожидания — как самые пессимистические, так и самые радужные: денег действительно стало значительно меньше, зато интеллекта, кажется, чуть больше.

Количество выставок-блокбастеров в программе столичных музеев сократилось, первый в Москве частный музей современного искусства ART4.RU работает всего раз в неделю, культурный центр «Арт-стрелка» закрылся, фестиваль «Мода и стиль в фотографии» был поскромнее, чем в прошлые годы, а «Арт-Москва» явно не удалась.

Зато удался Universam — параллельная «Арт-Москве» ярмарка-форум независимых художников, ими же и организованная. Возникли новые некоммерческие выставочные пространства, где придумывают концептуальные проекты, — «Открытая галерея» Натальи Тамручи и Aftergallery Анатолия Журавлева. На руинах нерентабельных заводов и фабрик как грибы растут арт-центры: «Винзавод», ФАБРИКА, «Красный Октябрь», Artplay — в Москве их уже четыре. На «Моду и стиль» из Фонда Картье в фонд «Екатерина» привезли ретроспективу Дэвида Линча, которого мы раньше знали исключительно как режиссера. Да и музеям Москвы и Петербурга есть чем похвастаться.

Русский музей, например, показал в начале у себя, а затем и в Третьяковской галерее «Американских художников из Российской империи», собрав на исторической родине всех американцев, корни которых уходят в Россию, вплоть до великих

Луиз Невельсон и Марка Ротко. Это второй после «Русского Парижа» проект в выставочном цикле петербургского музея, посвященном русской художественной эмиграции XX века. Эрмитаж вместе с галереей Саатчи продолжает осваивать искусство XXI века (в Николаевском зале Зимнего дворца открыта выставка «Новояз. Британское искусство сейчас»). А также отпраздновал трехсотлетие полтавской виктории отличной исторической экспозицией — ее теперь привезли в Музей Кремля. В Кремле же в этом году выставляли сокровища Блистательной Порты, Великих Моголов, вольного имперского города Аугсбурга и открыли колокольню Ивана Великого с музеем кремлевской архитектуры в ней.

Кризис, кстати, продемонстрировал, что большой бюджет не гарантия хорошей выставки. Взять хотя бы столетие дягилевских сезонов: юбилей праздновали много где, в том числе в Третьяковке и Русском музее. Третьяковка получила подарок от Екатерины и Владимира Семеновых в виде блестящего проекта «Видение танца», с успехом показанного ранее в Монако, но состряпала из роскошных экспонатов, свезенных со всего мира, такую кашу, что понять, почему этот самый мир сходил по Дягилеву с ума, было трудно. Русский музей обошелся своими скромными силами, реконструировав в проекте «Дягилев. Начало» три первые выставки, сделанные начинающим импресарио. Особенно удачно вышло с легендарной «Таврической» — историко-художественной выставкой русских пор-

третов, которую Дягилев устроил в 1905 году в Таврическом дворце. Отечественная публика тогда впервые увидела пылившиеся по старинным усадьбам картины забытых мастеров XVIII века, которых боготворили в «Мире искусства», — Рокотова, Левицкого, Боровиковского. «Таврическую» выставку музейщики восстановили с педантизмом музыкантов-аутентиков: тесно расставленные стенды, шпалерная развеска, этикетки с виньетками, повсюду пальмы в кадках — полное ощущение, будто ты в Таврическом дворце в год первой русской революции и на твоих глазах происходит мирискусническая революция в отношении к русской старине. В общем, после выставки Русского музея последующие дягилевские триумфы не кажутся случайностью.

Впрочем, деньги культуре не помеха, что подтверждает новое развлечение Дарьи Жуковой и Романа Абрамовича — центр современной культуры «Гараж», где показали коллекцию Франсуа Пино и скульптуру Энтони Гормли. «Гараж» стал и основной площадкой III Московской биеннале современного искусства — лучшей за всю нашу недолгую биеннальную историю. Основной проект биеннале «Против исключения», сделанный знаменитым куратором Жаном Юбером Мартеном, оказался остроумнее и тоньше главной выставки Венецианской биеннале «Создавая миры», и даже по посещаемости Москва переплюнула Венецию. Цифры впечатляют: московские 500 тыс. посетителей против венецианских 375 тыс., и это при том, что Вене-

цианская биеннале длится полгода, а наша — всего месяц. Во многом это была заслуга параллельной программы: «Товарищество „Искусство или смерть“», «Русское бедное», «Кудымкор — локомотив будущего» и еще десяток отменных выставок.

Современное русское искусство, однако, пригодно не только для местного употребления. Николай Полисский со своей народной артелью из деревни Никола-Ленивец выставил в Музее современного искусства Люксембурга топором рубленый «Большой адронный коллайдер», напугав за границу нашими левшистскими нанотехнологиями. У классика московского концептуализма Эрика Булатова открылась ретроспектива в Музее современного искусства Женевы. Главные же герои года — Игорь Макаревич и Елена Елагина: их выставка в венском Музее истории искусства, сделанная Stella Art Foundation, стала вторым в истории великого музея вторжением современных художников в залы старых мастеров (первым был Френсис Бэкон). Премия Кандинского продолжает возить своих финалистов по миру — в этот раз поехали к лондонской Frieze Art Fair. В Лондоне открылся некоммерческий фонд Calvert22, представляющий современное русское искусство в европейском контексте силами известных лондонских кураторов.

Словом, победы налицо, как налицо и поражения вроде решения снести ЦДХ, ставшего неожиданным «подарком» всему арт-сообществу от правительства РФ к Новому году.